

4. Rouch M. *Almaznyy ogranshchik: Budda o tom, kak upravlyat biznesom i lichnoy zhiznyu* [The Diamond Cutter: The Buddha On Managing Your Business And Your Life], Moscow, Otkrytyy mir Publ., 2005. 315 p.
5. Shumakher E. *Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroy lyudi imeyut znachenie* [Small is Beautiful: Economics as if People Mattered], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2012. 352 p.
6. Dunfee Thomas W., Nagayasu Yukimasa *Business ethics: Japan and the global economy*, Dordrecht, Boston, Kluwer Academic Publishers Publ., 1993. 275 p.
7. Hosaka S., Nagayasu Y. *Buddhism and Japanese Economic Ethics. The Ethics of Business in a Global Economy*, Boston, Dordrecht, London, Kluwer Academic Publ., 1993, pp. 99–104.
8. Ling T. O. *Buddhist Values and the Burmese Economy. Buddhist Studies in Honour of I. B. Horner*, Dordrecht, Reidel Publ., 1974, pp. 105–118.
9. Pfanner D. E., Ingersoll J. Theravada Buddhism and Village Economic Behavior: A Burmese and they comparison. *Journal of Asian studies, Ann Arbor*, 1962, vol. 21, no. 3, pp. 341–357.

ХЛЫСТОВЩИНА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nesy71@mail.ru

Хлыстовщина считается одной из самых массовых сект России XIX в. являясь, в то же время, одной из самых загадочных. До настоящего времени не существует единой гипотезы о происхождении как названия, так и самой секты, и её особенностях. Большинство исследователей признают старообрядческие корни хлыстовщины, а временем её возникновения считается последняя треть XVII в. Основные положения вероучения хлыстов и внутренняя регламентация повседневной жизни сектантов также указывают на связь хлыстовщины с радикальными толками старообрядчества.

Ключевые слова: Сектанство, хлыстовщина, старообрядчество, миссионерство

KHLYSTOVSHCHINA: HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Kanateva Natalya S., Ph.D. (Biology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: nesy71@mail.ru

Khlystovshina is considered one of the most popular sects of Russia of the XIX century, being, at the same time, one of the most mysterious. To date there is no single hypothesis about the origin of both names, and sects, and its features. Most researchers recognized old believer's roots of Khlystovshina and time of its occurrence is the last third of the seventeenth century, the main provisions of the creeds of whips and internal regulation of the daily life of sectarians also indicate the relationship of histamine with radical senses of the old believers.

Keywords: Sectarianism, Khlystovshina, old belief, missionary work

Астраханская губерния во второй половине XIX в. в конфессиональном отношении представляла собой чрезвычайно пёструю картину. Наряду с традиционными религиями, господствующим православием и присущим региону мусульманством, существовали также старообрядчество и разнообразное сектанство: экстатико-мистические секты, такие, как хлыстовщина и скопчество, и рационалистические, такие, как молоканство, баптизм и штундизм. В миссионерской практике всё это носило название «раскол», как «собирательное обозначение всей совокупности конфессиональных групп русского народа, отколовшихся от... церкви и не связанных с нею церковным общением» [23, с. 34].

Разумеется, сами «раскольники» никогда не считали себя таковыми и подобное название воспринимали как оскорбление, в силу всеобщего убеждения любой конфессиональной группы в истинности именно своей церковной доктрины. Тем не менее, по справедливому замечанию Эткинда, «слово «раскол» вполне укрепилось как в миссионерской, так и в этнографической литературе». Под «расколом» подразумевали как старообрядчество, так и сектантство (в частности, это всегда подрывало все попытки определить общую численность «раскольников»), понимая под старообрядцами «потомков тех православных, которые в XVII в. не согласились с реформами Никона, а под сектантами – религиозных русских, не принадлежавших ни к православной церкви, ни к старообрядчеству, ни к существовавшим в России иноверческим конфессиям» [23, с. 34–35].

Старообрядчество никогда не было монолитным и единым, делясь на множество толков и согласий, иногда мало чем отличавшихся от сект. Сектантство также никогда не было однородным явлением. Радикальные и лояльные течения и в старообрядчестве, и в сектантстве зачастую противопоставляли себя друг другу даже более ожесточённо, чем официально православию. «Единственное, что объединяло «раскольников» между собой, противопоставляя остальным, – то, что они не были православными, оставаясь русскими» [23, с. 35].

К сожалению, в массовом сознании само слово «секта» почти всегда имеет отрицательное значение. Я хочу привести цитату из классического труда Е.А. Торчинова «Религии мира: опыт запредельного», в которой, на мой взгляд, чётко и ясно расставлены все точки над *i*: «...хотелось бы категорически подчеркнуть антинаучность ценностно окрашенного противопоставления «религии – секты»: и то и другое суть религиозные конфессии, но с разными характеристиками, коренящимися отнюдь не во «второсортности» сектантства, а в существовании последнего в виде малых групп в условиях иноверческого большинства... грань между «не сектарными» конфессиями и сектами зыбка и условна и определяется не базовыми характеристиками верования, а временем и местом его распространения» [19, с. 498].

Укоренившееся в миссионерском сектоведении деление сект на рационалистические и мистические также было достаточно спорным, хотя бы из-за отсутствия чётких критериев этих определений. Как уже было сказано выше, к мистическим сектам относились хлыстовщина, скопчество и их местные модификации, но с ними обычно связывали также и старообрядцев-бегунов, нетовцев и спасовцев, а также нехристианские секты жидовствующих и субботников. В категорию рационалистических сект входили молокане, духоборы, штундисты, баптисты и т.п. Основывалось такое деление на достаточно спорной теории о происхождении этих сект – «рационалистическими именовались те секты, в которых предполагалось западное, и прежде всего протестантское, влияние. Мистическими назывались секты более оригинальные и почвенные» [23, с. 35–36]. Торчинов считал, что «в сектах первого типа (мистических – *НК*), как и в религиях чистого опыта, психологическая сущность религии вполне обнажена, и достижение трансперсональных состояний в значительной степени выступает главной целью религиозной жизни, тогда как в сектах второго типа (рационалистических – *НК*) психологическая основа религии как бы скрыта за риторикой нравственного самосовершенствования, «духовного» истолкования Писания и социального утопизма» [19, с. 499]. Я не могу полностью согласиться с глубокоуважаемым Евгением Алексеевичем Торчиновым в том, что в мистических сектах, таких, как хлыстовская, отсутствовали попытки толковать Писание и размышлять о будущем устройстве мира, где все будут исповедовать хлыстовство. Но его определение позволяет увидеть принципиальную разницу между двумя типами сект.

Предлагаемая работа посвящена истории (в рамках губернии) хлыстовщины, одной из самых загадочных мистических сект России⁷.

Происхождение названия секты – «хлыстовщина», «хлысты» – разными исследователями объясняется по-разному. Такой авторитет в религиоведении и сектоведении, как А.И. Клибанов, пишет: «Слово «хлысты» произведено от глагола «хлестать». В некоторых общинах этих сектантов практиковалось самобичевание как один из способов приведения себя в состояние религиозного экстаза. Именно по этому признаку, мало характеризующему существо секты, но пугающему и отталкивающему, духовенство и прозвало её последователей» [14, с. 570]. Аналогичного мнения придерживается Д. Таевский в своей книге «Секты мира»: «в ряде сект практикуется самобичевание (отсюда бытовое название сектантов «хлысты»)» [16, с. 324]. Напротив, не менее авторитетный Н.М. Никольский предполагал, что «...вероятно, слово «хлысты» является искажением слова «христы», так как сектанты... считали своих руководителей новыми христами» [11, с. 279]. Автор одной из самых подробных за последнее время монографий, посвящённой, в том числе, хлыстам, А.А. Панченко, уверен: «Термины «хлыстовство», «хлыстовщина и т.п. являются экзонимами, искажающими самоназвание секты – «христовщина», «христова вера» и т.п.». И добавляет в примечаниях – «Сами сектанты могли объяснить появление этого («хлысты» - НК) имени следующим образом: «враг (дьявол) не может выговорить слово «христы» и поэтому говорит «хлысты»» [12, с. 10, 14].

Панченко приводит ещё один интересный экзоним, ссылаясь на многих авторов – В.И. Дая, П.И. Мельникова-Печерского, М. Фасмера, В.С. Румянцеву – «ляд», множественная форма – «ляды», поведение сектантов – «ледование». Происхождение и толкование этого экзонима очень интересно и неоднозначно. Даль производит его от глагола «лядеть» в значении «худеть, тощать» [3, с. 743], однако Панченко с этим не согласен и, ссылаясь на сыскное дело 1666 г. о костромских сектантах, где под «ледованием» понималось «неистовство», полагает, что «ляд» в данном случае означает «нечистый», «чёрт» (как и в польском языке - *ladaczy*, т.е. «чёрт») [12, с. 119].

Торчинов пишет: «Хлыстовство – pejоративное (общепринято произношение «пейоративное»), но здесь я оставляю вариант Торчинова – НК) название, развившееся в синодальных кругах и восходящее то ли к искажённому «христы», то ли к приписывавшейся сектантам практике бичевания себя хлыстами (почему иногда на Западе христововеров называют флагеллантами)» [19, с. 499].

Сами же сектанты чаще всего называли себя «божьи люди», «христовы люди», «верные-праведные», «христововеры» поэтому зачастую во многих исследованиях, посвящённых хлыстам, приводится именно последнее наименование – христововеры. На сайте Википедия читаю: «В современной религиоведческой литературе как равнозначные используются термины «хлысты» («хлыстовщина») и «христововеры» («христовщина»). Наименование «хлысты» происходит от встречавшегося в их среде обряда самобичевания или от видоизмененного слова «христы», так как официальные духовные лица считали неприличным в названии секты употреблять имя Иисуса Христа» [24]. Это практически полная цитата из П.И. Мельникова-Печерского, который считал, что термин «хлыстовщина» был «изобретён некоторыми духовными лицами, считавшими неприличным при названии секты употреблять священное имя Спасителя».

⁷ *Примечание:* для тех, кто станет читать эту статью в надежде узнать что-нибудь новенькое о Григории Распутине – Распутина здесь не будет. Хотя большинством исследователей признаётся, что Григорий Ефимович Распутин-Новых в молодости (а может, и не только) входил в общину тобольских хлыстов, рассказ о нём выходит за рамки моей статьи. Однако, как человек, прочитавший много литературы о хлыстах вообще и о Распутине в частности, могу порекомендовать, на мой взгляд, наиболее адекватное и интересное произведение о нём, свободное как от истерического прославления этого человека, так и от откровенного глумления над ним – это уже неоднократно цитировавшаяся здесь книга Александра Марковича Эткина «Хлыст: секты, литература, революция», глава «Распутин».

Почему я так подробно пишу о версиях названий секты хлыстов? На мой взгляд, этот вопрос перерастает рамки собственно семантики. А.М. Эткинд в своей книге «Хлыст...» считает его (вводя определение «сектоним») универсальной проблемой: «профессиональные обозначения ... по своему происхождению принадлежат официальной культуре, и даже собственно дискурсу власти. Народная культура не вырабатывает самообозначений, либо считая свой мир универсальным, либо же, позднее, конспирируя его от внешней угрозы. Исследователи ... вынуждены пользоваться терминами и классификациями, которые несут в себе идеологическую нагрузку, часто враждебную к предмету исследования» [23, с. 36].

В этом утверждении нет ничего принципиально нового – как уже было сказано выше, раскольниками и еретиками старообрядцы и сектанты считали представителей официального православия, и наоборот. В то же время, попытка уйти от пейоративности и эмоционально окрашенных или идеологически ангажированных названий хлыстовщины (экзонима «хлысты» и эндонима «верные-праведные») и ввести нейтральные термины (например, «духовные христиане»), привела к путанице и размыванию значения названия, потому что «духовными христианами», помимо хлыстов, называли также молокан, духоборов и даже толстовцев [23, с. 36].

Мне остаётся только употреблять в тексте традиционное для секты название «хлысты» и «хлыстовщина», заранее оговорив (для меня лично) его нейтральность, полное отсутствие пейоративности и каких-либо эмоциональных или нравственных оценок.

Итак, в объяснениях происхождения экзонимического названия секты единомыслия не было и нет, причём я рассматриваю лишь, так сказать, официальное название, в то время как практически в каждой местности, где отмечалось появление этой секты, было принято и местное её наименование. Например, в Нижегородской губернии хлыстов часто называли «фармазонами», а в Астраханской губернии, так же, как и на Юге России в целом, бытовали прозвища «монтане» и «шелопуты» («шалапуты»).

Ещё менее единомыслия в вопросе происхождения секты – как собственно генезиса, так и времени её основания. Первый официальный исследователь секты, В.И. Даль, абсолютно категоричен: «Хлысты – изуверный толк раскольников, бичевальщики; хлыстовщина, христовщина, переходная степень в толк шелопутов, скопцов» [4, с. 1194]. То есть Даль однозначно считает хлыстов ответвлением старообрядческого движения, что приводит к датировке появления секты началом XVIII в. [4, с. 1194]⁸

Безусловная связь хлыстовщины со старообрядчеством признаётся многими исследователями XIX в., в том числе В.И. Далем и П.Н. Милоковым. Последний, так же, как и Даль, указывал на тесную связь русского мистического сектантства в целом с радикальными направлениями русского старообрядчества и, в частности, с беспоповщиной [10, с. 107–110].

В 1872 г., по заказу министра юстиции К.И. Палена, чиновником этого ведомства Н.В. Реутским была написана книга «Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг)» [13]. Несмотря на совершенно очевидный государственный заказ (книга предназначалась в качестве учебного пособия для пореформенных судебных учреждений), это исследование и донныне представляет определённый интерес. Но гипотеза о происхождении секты хлыстов и времени её появления позднейшими исследователями признаётся, мягко говоря, некорректной. Реутский утверждал, что одним из главных источников хлыстовщины было учение силезского мистика Квирина Кульмана, сожжённого в Москве в 1689 г. По словам А.А. Панченко, «эта идея представляется ... совершенно неприемлемой» [12, с. 21]. Он же называет малообоснованными идеи И.М. Добротворского и В.Н. Перетца о хлыстовщине как о результате распространения традиций западноевропейских еретических движений эпохи Средневековья и Нового времени [12, с. 104].

⁸ *Примечание:* Кстати, относительно названия секты, «хлыстовщина» Даль придерживался мнения, что это производное от слова «хлыстать».

В то же время такой виднейший знаток старообрядчества, как С.А. Зеньковский, придерживается именно этой точки зрения – о западных корнях хлыстовщины. По его мнению, «... в середине XVII века, почти одновременно, но **независимо** (выделение моё – *НК*) от старообрядчества зародилось и другое религиозное движение, возникшее, видимо под влиянием западной мистической мысли и укрепившееся в стране уже в третьей четверти того же, XVII века ввиду ослабления дисциплины и надзора церкви над паствой во время происходившей тогда на Руси религиозной смуты. Обрядовый и идеологический элементы мышления, столь характерные для старообрядчества, не играли роли в этом движении, ставшем известным под названием христовщины, а позже прозванным хлыстовщиной» [5, с. 341].

Существуют и ещё версии происхождения хлыстовщины, которых придерживались П.И. Мельников-Печерский и А.П. Щапов – первый считал русские тайные мистические движения продолжением богомилства (манихейства, павликианства), а второй выводил хлыстовщину из «волшебного-кудеснического мирозерцания» славянского язычества [9, с. 251–299; 22].

А.А. Панченко остроумно объясняет подобные теории, как прозападные, так и славянофильские, тем, что «их авторы никак не могли представить себе, что хлыстовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII в.» [12, с. 105].

Следует сказать о дискуссии по поводу так называемого «капитоновского» происхождения хлыстовщины. По мнению Панченко, учение старца Капитона Даниловского имело решающее влияние на раннее хлыстовство. В то же время, Зеньковский, наоборот, противопоставляет хлыстовщину учению «лесных старцев». Главной чертой капитоновщины был радикальный аскетизм, основанный на крайних эсхатологических направлениях и связанный с общими апокалиптическими настроениями эпохи. По словам Зеньковского, «мрачная эсхатологическая проповедь Капитоновых старцев, проповедовавших пришествие Антихриста и учивших самоубийству голодом и огнём, конечно, ничего общего не имела с тоже аскетическим, но радостным учением христовцев, возглашавших, что Господь уже с ними и даже ведёт беседы «со своими верными» [5, с. 342]. Как мы видим, мнение Зеньковского совершенно отлично от дискурса, традиционно выводящего хлыстовщину от радикальных толков старообрядчества, в частности, капитоновщины. Напротив, Эткинд утверждает: «традиция считала Данилу (основателя секты хлыстов – *НК*) учеником старца Капитона» [23, с. 28] и считает, что религиозная, политическая и сексуальная девиантность хлыстовщины складывалась именно в связи с учением Капитона.

Наконец, среди самих старообрядцев, начиная с Аввакума и Феодора и заканчивая рогожскими священниками, существовало резкое неприятие хлыстов, как «льстецов развратных» и «проклятиих поганцов». В «Отрагительном письме» инока Евфросина о секте «лже-христомужей» говорится так: «...лже-христовцы, мерзостнее и проклятее, и да никто от христиан, дерзнёт их, врагов, христианами звати» [5, с. 343]. А в середине XIX в. Мельников-Печерский в эпопее «В Лесах» и «На Горах» устами одного из своих любимых героев, Герасима Сильча, так говорит о хлыстах: «Верование их бесовское» [8, с. 400].

В 2006 г. мордовским исследователем А.Г. Берманом была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, посвящённая мистическим сектам Среднего Поволжья в XIX – начале XX в., в том числе секте хлыстов. По мнению Бермана, происхождение хлыстовщины объясняется соединением русской православной традицией исихазма с идеей «обожения» и, в меньшей степени, связано с радикальными толками старообрядчества. Так же, как и многие исследователи до него (Реутский, Эткинд, Панченко, Коновалов и другие), Берман объединяет в своём труде изучение хлыстов и скопцов, подчёркивая тем самым внутреннее родство этих сект [2, с. 24].

Касательно времени возникновения секты хлыстов большинство исследователей сходятся на том, что его следует отнести либо к середине XVII в. [16, с. 324], либо к его последней трети [5, с. 341, 14, с. 571], причём указывается, что сами сектанты имеют на этот счёт твёрдую уверенность – их учение возникло в 1645 г., когда Дух святой, в одной из своих ипостасей, сошёл на крестьянина Данилу Филипповича. По словам Никольского, «... совершилось неслыханное чудо: в 1645 г. ... в Стародубской волости, в приходе Егорьевском, на гору Городину (в Ковровском уезде Владимирской губернии) сокатил на землю на огненной колеснице окруженный ангелами и архангелами сам Господь Саваоф и вселился в пречистую плоть крестьянина Данилы Филипповича». Судя по тому, что этот Данила, как говорят другие хлыстовские легенды, был беглым солдатом из крестьян Юрьевского уезда, начало секты надо в действительности относить не к середине, а к концу XVII в., к петровской эпохе. Это подтверждается также легендой о первых шагах Данилы, которая могла возникнуть лишь после Никона. Легенда говорит, что первым делом Данила собрал все книги в куль и бросил их в Волгу, заявив, что никаких книг, ни старых, ни новых не нужно...» [11, с. 280].

Одну из оригинальных версий о времени происхождения хлыстовщины приводит В.Б. Шапарь в своей книге «Секты – угроза национальной безопасности России». По его мнению, «хлыстовщина появилась у западных славян со времени их крещения. Это самое древнее проявление экстатического культа. При объединении данного древнего культа с христианством и возникает вера в «духовное соединение с Христом», тождество Христа с некоторыми избранными Богом людьми, многократное воплощение Святого Духа. Такие «Христы» и пророки появлялись, как правило, в наиболее тяжёлые времена. Во времена Дмитрия Донского (XIV в.) татарами был убит «Христос» Аверьян. Во времена Ивана Грозного в Кержаче пророчествовали «Христос» Иван Якимов и «Богородица» Марья Якимова» [21, с. 183–184]. Правда, автор добавляет, что, по преданию самих хлыстов, «секта их возникла в середине XVII в. Это подтверждается тем, что первыми преследователями своими они долго считали царя Алексея Михайловича и патриарха Никона» [21, с. 183–184].

Несмотря на необычность этой теории, устанавливающий возраст хлыстовщины как сравнимый с возрастом собственно христианства на Руси, определённая логика всё же в ней присутствует. Как пишет Никольский, «дикие пляски пророков и дerviшей, ночные оргии орфиков, сошествие Духа на христиан первоначальных общин, оргии анабаптистов, верчения лжепророков Стоглава и радения наших хлыстов и скопцов XVIII в. – явления одного и того же порядка» [11, с. 279].

На сайте «Велесова Слобода» [6], к сожалению, в настоящее время заблокированном, я нашла небольшую по объёму работу-эссе А. Кондратьева «Психотехники и культ русских мистических сект». Работа чрезвычайно интересна, но, увы, в печатном виде найти её мне не удалось, поэтому в дальнейшем я буду ссылаться на неё по собственной распечатке с сайта. Кондратьев пишет: «...мы имеем ... дело со знаменитой теорией Аватары, отчётливо узнаваемой в хлыстовстве и позволяющей распознать последнее как особую реплику ведической традиции (выделено Кондратьевым – НК)» [6, с.10]. И далее в своём эссе, в главе «Концепция Аватары и культы вождей», Кондратьев последовательно и убедительно объясняет хлыстовщину с позиций ведических учений об инкарнации. Комментариев к этому у меня нет.

Подведу некий промежуточный итог. Итак, единого мнения о времени образования секты, так же, как и происхождения и её самой, и её экзонимического названия, нет, да и, по-видимому, не может быть, уж слишком разбросаны и во времени, и в пространстве версии. Мне представляется всё же наиболее обоснованной версия отщепенства хлыстовщины от радикальных старообрядцев-беспоповцев, находившихся под влиянием проповедей Капитона и на каком-то этапе довольно органично соединивших своё учение с западным мистицизмом.

На происхождение секты от старообрядчества указывает слишком многое, чтобы этим можно было пренебречь. Приведу лишь несколько, наиболее ярких, проявлений: двоеперстное знамение; хождение посолонь; (уже цитированный выше Берман, описывая сектантов Среднего Поволжья, отмечает, что «молились они двоеперстно, поворачивались всегда «посолонь» [2, с. 107–112]; причащение, точнее, обряд, заменявший ранним хлыстам причастие, практически идентичный таковому у раннего беспоповщинского старообрядчества – Панченко называет это «девиантной практикой, с большей или меньшей точностью воспроизводившей дониконовский церковный ритуал..., осложнённый народно-религиозными представлениями, а также обычаями, сложившимися в среде последователей Капитона [12, с. 129]. Кроме того, отношение к браку, как к блудодеянию, неуместному и неприемлемому в ожидании Апокалипсиса, также отсылает к радикальным старообрядческим толкам.

Таким образом, несомненная генетическая связь хлыстовщины со старообрядчеством позволяет датировать время возникновения секты последней третью XVII в. Что же касается названия, то, по-видимому, похожее звучание слова «христы» с глаголом «хлестать» и привело к появлению экзонима «хлыстовщина».

Основные положения вероучения хлыстов, независимо от разновидностей общин, по словам старообрядца Василия Фролова (позднее обратившегося в православие), познакомившегося с ними около 1700-го года, (почти что, как считает Зеньковский, при самом зарождении секты), таковы: «Сия же их пакостная ересь:

1. Иконам не поклоняется;
2. Своему учителю Ивану честь и поклон отдаёт, подобный яко Христу;
3. Руку его целовали яко Христу;
4. Свечи перед ним вжигали;
5. Девку имели некую скверную за Богородицу...
6. За 12 апостолов имели мужиков простых...
7. Ядуще ношью тайно от людей;
8. Во одной келий темной жил мужеск пол и женск...» [20, с. 478].

Главная заповедь хлыстов – «Святому Духу верьте», т.е. считается возможным прямое общение человека со Святым Духом. По мнению Шапаря, «идея о вселении в человека Духа Святого и составила ... основу вероучения всех сект духовных христиан и современного учения пятидесятников. Хотя подобная идея берёт начало ещё в древнеиндийских религиях (см. цитату из Кондратьева – *НК*) и в разных вариациях высказывалась в разное время, но характер цельного вероучения, в противоположность вероучению господствующему, т.е. **определённый сектантский смысл** (выделение моё – *НК*), она принимает впервые у хлыстов» [21, с. 185]. Торчинов считал, что «доктрина этой секты (хлыстов – *НК*) весьма смутна и неопределённа, ибо не она, а техника экстаза составляет её суть» [19, с. 499].

Что же касается нравственных норм поведения у хлыстов, то они могут достаточно сильно отличаться у различных общин. Общее – в отрицании брачной жизни и умерщвлении плоти (хотя Зеньковский считал, что в случае хлыстов речь идёт скорее о подавлении плоти, а не умерщвлении, в отличие от капитоновского учения).

Вероучение хлыстов является строго дуалистическим: дух есть начало доброе, а тело – злое, следовательно, необходимо умерщвление плоти для того, чтобы заключающаяся в ней душа могла беспрепятственно достичь своего назначения. Грехопадение первого человека состояло, в том числе, в угождении плоти – в грехе супружества, поэтому для спасения души нужно не вступать в брак, а если к моменту вхождения в секту в нём состоишь, то жить с женой (с мужем) как с сестрой (братом). Следствием этого положения в секте хлыстов отсутствует почитание телесных родителей и существует презрительное отношение к детям, рождённым от церковного брака.

Берман приводит пример отношения к детям в секте алатырских хлыстов: «В тот дом, где родился младенец, сектанты могли войти только по прошествии 6 недель, на тот же срок отлучался от собраний «богомол» (местное название сектантов – *НК*), в доме которого родился ребенок» [2, с. 107–112]. Клибанов пишет, что «дети от такого (церковного – *НК*) брака третировались как «утеха сатаны» [14, с. 571]. Таев-

ский же отмечает, что «детей от внебрачных связей между «духовными» супругами ... называют «инсусиками» [16, с. 325]⁹.

Одним из самых тяжёлых, с точки зрения морали и нравственности, обвинений против хлыстов являлось практикование в общинах группового секса («свального греха») во время коллективных богослужений – «радений» (см. о радениях более подробно ниже – *НК*). Именно из-за неприятия этого аспекта радений от секты откололось ещё более радикальное в вопросах пола крыло, руководимое Кондратием Селивановым. Селиванов призвал решать вопросы пола раз и навсегда – кастрацией. Селивановское ответвление получило название «скопцы», или «скопческая ересь», и преследовалось в Российской империи особенно ожесточённо, даже по сравнению с хлыстовщиной. Но я не буду сейчас писать о скопцах, это выходит за рамки моей темы, а вернусь к вопросу о якобы существовавшем на хлыстовских радениях «свальном грехе».

На первый взгляд, это кажется нелогичным и абсурдным – как в хлыстовском вероучении, важнейшими заповедями которого были половое воздержание и безбрачие («плотского греха не творите; не женитесь, а кто женат, живи с женою как с сестрой» [11, с. 286]), могла появиться «романтическая идея первобытного промискуитета» [23, с. 67]? Но нелогичность эта лишь кажущаяся, и даже без отсылок к фрейдистской теории сублимации и тантрическому буддизму. Нужно помнить, что именно вопросы брака (т.е. разрешённого секса) и семейного права чаще всего разделяли между собой различные старообрядческие и сектантские группы.

«Поиски нового социального порядка всегда связаны с поисками нового сексуального порядка» [23, с. 70]. Две самые крупные группы внутри беспоповщины, федосеевцы, отрицающие брак, и поморцы, признающие его, на протяжении более чем ста лет пытались убедить друг друга в собственной правоте, но так и не добились единого мнения в этих вопросах. Если принимать версию происхождения хлыстовщины от радикального старообрядческого беспоповщинского крыла, то допустимо считать отношение к браку и деторождению аналогичным в обеих группах. Основателю федосеевского согласия Илье Ковылину приписываются фразы «Брак хуже блуда» и «Не согрешишь – не покаешься». Употреблялась и ещё одна знаменательная фраза – «То не грех (блуд – *НК*), а токмо падение». В контексте подобных бытовых максим очевидно, что понятие «блуда» у старообрядцев и хлыстов отличалось от общепринятого. Эткинд считает, что в рамках «узкой концепции сексуальности, характерной для традиционной культуры», «блудом» и, соответственно, «грехом» признавалось одно лишь «соитие», – иначе говоря, только генитально-генитальные отношения; другие же формы сексуальности вовсе ничем не регулировались» [23, с. 72].

С другой стороны, нельзя забывать о том, что свидетельства о промискуитете в хлыстовских общинах почти всегда приводились, мягко говоря, не самыми объективными исследователями. «Обвинения в сексуальном разврате сопровождали русские секты с момента их открытия» [23, с. 71]. Он же отмечает: «История знает, как часто подобные обвинения (в разврате – *НК*) формулировались против религиозных меньшинств. Как правило, их оказывается трудно подтвердить или опровергнуть, так как обвиняющая сторона не стеснялась в средствах, чтобы получить сведения, подтверждающие её версию событий. Но и обычное отрицание самими сектантами того, что они использовали какие-либо сексуальные практики в своём культе, трудно принимать на веру. Вряд ли историография знает другие пригодные в таких случаях методы, кроме критики источников и опоры на здравый смысл» [23, с. 71].

Итак, будем критиковать источники и опираться на здравый смысл. По первому пути идёт А.А. Панченко, называя «мотивы свального греха» «прочно утвердившимися ... расхожими представлениями о русских мистических сектах» [12, с. 169]. Панченко объединяет обвинения хлыстов в свальном грехе с обвинениями в ритуальном жерт-

⁹ *Примечание:* Кстати, многими исследователями указывалось, что именно отношение к церковному браку и к деторождению вызывало массовое осуждение и правительственные преследования хлыстовщины.

воприношении младенцев, якобы происходившими на хлыстовских радениях, и считает оба этих обвинения «распространёнными заблуждениями» [12, с. 154]. По его мнению, «с точки зрения исторической достоверности обвинения хлыстов в групповом сексе и обрядовом инфантициде, действительно, не выдерживают критики: об этом свидетельствуют как судебно-процессуальные частности, так и литературная история, а также общекультурная типология легенды о ритуальном убийстве» [12, с. 154]. И далее: «Обвинения сектантов в свальном грехе ... строятся на принципах обратной аналогии. Если ритуальное убийство младенца и ритуальный же каннибализм конструировались массовым сознанием в качестве сектантской евхаристии, то легенда о беспорядочных сексуальных отношениях на радении создавала образ хлыстовского богослужения. И в том, и в другом случае в дело вступал механизм конструирования «чужой религии», основанный на проекции инвертированных и вытесненных смыслов и коннотаций, присущих ритуальным формам «своего» религиозного и культурного обихода» [15, с. 171]. За великолепной фразеологией кроется утверждение в недостоверности и необъективности источников, сообщающих о промискуитете хлыстов, что объясняется вытеснением чужой культуры, свойственным человечеству на протяжении всей его истории.

Но этих источников, пусть не всегда объективных и достоверных, всё-таки слишком много, чтобы ими можно было пренебречь. Я не стану цитировать Дмитрия Ростовского или других миссионеров, а приведу свидетельства А.С. Пругавина, «обычно защищавшего хлыстов от обвинений в сексуальных излишествах» [23, с. 75], и революционера-народника В.А. Данилова¹⁰. Пругавин «цитировал своего информатора, участвовавшего в радениях: «У хлыстов на их собраниях открыто допускаются ласки со всеми «сёстрами»... Тут и объятия жаркие, братские лобзания, поцелуи горячие... Любовный восторг, духовный экстаз...» [7, с. 75]. Данилов называл сексуальные отношения хлыстов «большим вопросом ... русского сектантства» и объяснял их так: «Духовные влечения перепутались с плотской страстью». Описывая крупную общину хлыстов-«богомолов» в 1880-х гг., он приходил к выводу, что «половая разнужданность ... дошла до крайних пределов» [23, с. 76]. В то же время Коновалов приводит множество свидетельств о девственности женщин, долгое время (к примеру, 18 лет) пребывавших в секте хлыстов и имевших «духовных супругов» [7, с. 73]. А вот точка зрения Е.А. Торчинова: «О христововерах, придерживавшихся самого сурового аскетизма... распускали слухи, изображавшие радения актами разврата и промискуитета («свальный грех»), который приписывался римлянами первым христианам, католиками – альбигойцам и катарам, католиками же – гугенотам; нелепость этих обвинений вполне понятна). Между тем, сами сектанты, во-первых, заявляли, что «плотский грех» им не нужен, так как блаженство радельного экстаза несравненно сильнее, а во-вторых, изнуряющая пляска радений (см. ниже – *НК*) к утру валила христововеров с ног, так что вряд ли у них просто оставались силы на «свальный грех» [19, с. 500]. Аргументация Торчинова со ссылкой на самих сектантов и их усталость не кажется мне вполне убедительной, вкуче со старым, как мир, доводом, что «нелепость ... вполне понятна» и не требует доказательств. Истина, как всегда, где-то посредине, там же, где и здравый смысл...

Перейдём к другой регламентации повседневной жизни в хлыстовских общинах. Считается, что изначально вероучение хлыстов не налагало ограничений на пищу, хотя, как пишет Никольский, «заповеди Данилы (Данилы Филипповича, см. выше – *НК*) содержали уже некоторые аскетические предписания, вроде «Хмельного не пейте...». Практика показала, что этого недостаточно, и в последующее время выдвинулось требование поста перед радениями. Исполнять такой закон было трудно: это был закон «не простой, не простой – трудовой, трудовой – слезовой» [11, с. 286]. Не-

¹⁰ *Примечание:* Чей интерес этнографа-любителя к экзотике материала дошёл до того, что, находясь в якутской ссылке, он выучил якутский язык и женился на якутке.

которые исследователи, (например, Таевский, Шапарь), пишут, что, помимо недельных постов перед радениями, считавшимися подвигами и признаками благочестия, хлыстам было вообще запрещено употреблять такие продукты, как чай, кофе, сахар, лук, чеснок, картофель и табак. Напротив, Мельников пишет, что хлысты очень любили употреблять чай со сладостями, особенно после радений, отнимавших много сил, как физических, так и духовных (см. «На Горах» и ниже, о радениях астраханских хлыстов). На мой взгляд, разность в ассортименте разрешённых продуктов появилась как следствие обособленности каждой хлыстовской общины-«корабля».

Очевидно, что набор запрещённых продуктов идентичен таковому у старообрядцев: «...до сих пор (настоящее время – НК) некоторые согласия (беспоповцы, неокружники) не едят картофель, не пьют чай и кофе (беспоповцы). Вообще чай плохо приживался в старообрядческой среде... Выписки из решений...поморского съезда раскольников собственно и подтверждают тот факт, что питье чая и кофе полагали предосудительным обычаем... Общим для всех раскольников ... является неупотребление некоторых продуктов: конины, чеснока, зайчатины, налима» [15, с. 107–109].

Мельников-Печерский писал, что, в отличие от старообрядцев, многие общины хлыстов были ещё и нестрого вегетарианскими – т.е. употребление мяса было запрещено, но молоко разрешалось. У других авторов указание на вегетарианский характер питания хлыстов как-то не акцентируется, если не учитывать приводимую А.А. Панченко цитату из допроса некоего бродяги Ивана, задержанного в 1690 г. в Вязьме и попавшего в Разрядный приказ – тот утверждал, что, будучи сыном Ивана Грозного, проживает на небесах, повелевает ангелами и обладает даром творить чудеса. В показаниях этого несчастного Панченко видит «ряд черт, сопоставимых с религиозными практиками ранней христовщины ... – использование Иисусовой молитвы для исцеления больных и порицание мясной пищи» [12, с. 122–123]. Торчинов тоже пишет о вегетарианстве хлыстов, но коротко, одной фразой [19, с. 500].

Между прочим, такие присущие старообрядческому быту поговорки и присказки, как «Кто чай пьёт, тот отчаётся» и «Кто кофе пьёт, тот ковы на Бога возводит» бытовали и в хлыстовской среде, а картофель и табак признавались растениями, связанными с дьяволом, и у старообрядцев, и у хлыстов. Всё это ещё раз указывает на несомненную генетическую связь старообрядчества и хлыстовского сектанства.

Как уже упоминалось выше, в хлыстовской среде существовал строгий запрет на употребление «хмельного». Помимо этого, неприемлемо было употребление obscene лексикой и, как это описывает Мельников-Печерский, упоминание дьявола: «Хлысты никогда не употребляют слов: «дьявол», «сатана», «черт» и тому подобных, дабы не осквернить проклятым именем своего языка. Одно у них имя ему – «враг», иногда «враг Божий», редко «враг человеческий». Некоторые учителя их о дьяволе так говорят: «Какой он враг человекам? – он друг им и покровитель, как любимым своим созданием. Он враг только нам, пришедшим из внешнего мира и познавшим правый путь в сокровенную тайну» [8, с. 15].

По мнению Панченко, «особого комментария заслуживают запреты на употребление алкоголя и матерную брань» [12, с. 131]. Исследователь задаётся вопросом – «почему они были возведены в ранг обязательного аскетического учения христовщины? Важно иметь в виду, что и во времена Лупкина (1716 и последующие годы. Прокопий Лупкин – нижегородский стрелец, один из основателей секты, преемник Даниила Филипповича – НК), и позднее эта аскетика предлагалась новообращаемым в качестве основной нравственной доктрины (выделение Панченко – НК) хлыстов» [12, с. 131].

Рассмотрев «семантико-палеонтологический» (терминология Панченко – НК) аспект вопроса и ещё раз подчеркнув устойчивое гендерное приурочение матерной брани, обоснованное, в частности, Б.А. Успенским, Панченко приходит к выводу, что «хлыстовская аскетика была направлена, прежде всего, против основополагающих аспектов крестьянской ритуальной традиции» [12, с. 140] – т.е. употребление «хмельного» и, вероятно, как следствие этого, матерная брань ассоциируется им с

народными обрядами, пришедшими и сохранившимися со времен язычества и зачастую неотличимыми от церковных престольных праздников – особенно по манере празднования... Я не могу полностью согласиться с таковым мнением – получается, что, стараясь отринуть народную культуру (по Панченко, она, видимо, отождествляется с употреблением спиртного и обсценной лексики – *НК*), хлысты, тем не менее, зачастую практически копировали, как это будет показано ниже, элементы языческого поклонения Матери-Богине, на самом главном своём годовом радении, Троицком. Какая-то непоследовательность. Но других версий, объясняющих запрет, нет.

Итак, вступление в хлыстовскую общину предполагало отказ от: церковного брака и деторождения, употребления мяса и хмельного питья, использования матерной брани и упоминания дьявола в речи. Что же оставалось новобращаемым, если всё самое интересное запрещалось? Что же могла предложить секта хлыстов своим неопитам взамен?

Помимо мистического единения со Святым Духом, своего рода «обожения», возводившего в ранг Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи и апостолов, но доступного далеко не всем членам секты, а лишь избранным, хлыстовский «корабль» предоставлял каждому сектанту возможность «радения» – участия в совместном богослужении. Именно ритуал радения привлекал неопитов в секту. Феномен радений чрезвычайно интересен и важен для понимания власти хлыстовского вероучения над умами и жизнями тысяч сектантов. Радения практически всегда проводились ночью и включали песнопения, групповые пляски-хороводы и пророчества. Радения бывали обыкновенные, годовые и чрезвычайные, причём в двух последних разновидностях могли участвовать лишь хлысты высокой степени посвящения.

Вот как описывает хлыстовское радение Н.М. Никольский, ссылаясь на Акты следственной комиссии уголовных процессов над хлыстами 1732–1733 гг.: «После общей трапезы собравшиеся хлысты садились на лавках, мужчины и женщины друг против друга, под председательством «оной прелести предводителя, мужа или жень», или, по терминологии сектантов, кормщика или кормщицы «корабля»; предварительно все передевались в белые «радельные» рубашки, длинные, доходившие почти до пят, или принесённые с собой, или розданные кормщицей «корабля». Затем, после протяжной вступительной песни, кормщик или кормщица давали благословение по очереди всем присутствовавшим, и один за другим последние пускались парами в быструю пляску, с высоким подсакиванием, с пением (особых хлыстовских песен, ропевцев, обращённых к Святому Духу – *НК*), переходившим под конец в дикие выкрикивания; некоторые били себя в то же время жгутами (свитыми из специальных белых полотенец – *НК*), палками, цепями. Эта пляска и самоистязание приводили сектантов одного за другим в состояние религиозного экстаза; им казалось, что их поднимал сам Святой Дух, по слову пророка «вселюсь в них и похожду»... «По таковом бешеном бегании» наступал момент высшей «духовной радости»: некоторые из присутствовавших падали в полуобморочном состоянии на пол и начинали изрекать пророчества; в этот момент, по мнению хлыстов, на них уже сошёл Дух, и пророки говорят не от себя, а от Духа... «Пророчества» говорились быстрыми, не всегда внятыми речитативами; одни из них обращались ко всей общине и назывались «общено судьбою», другие – к отдельным членам «корабля»... Частные пророчества всегда заканчивались словами: «Вот тебе от Бога указ, а содержание «указа» было всегда совершенно конкретным» [11, с. 286–287, 288–289.]. По мнению Никольского, именно эти, «отдельные», пророчества давали возможность кормщикам «корабля» «гипнотизировать участников радений и направлять их поведение по своей воле» [11, с. 286–287, 288–289].

Главное годовое радение, как уже упоминалось выше, было приурочено к церковному празднику Троицы. Оно проходило вокруг чана с водой, по краям которого были прилеплены свечи. Другими отличиями троицкого радения от обычных были обязательное бичевание жгутами и ветками вербы (окровавленные в результате бичевания прутья считались потом целительными, ими окуривались больные, а в случае неудачи лечения огарки клали умершему в гроб) и исполнение особых песен,

обращённых не к Святому Духу, как на обычных радениях, а к Богородице – «Матери Сырой Земле». Это чрезвычайно своеобразное богослужение, корни которого уходят в языческое прошлое, магическую деревенскую обрядность и литургию секты «подрешетников». Более подробно об этом написано в трудах Н.М. Никольского и А.А. Панченко. Ещё одно обстоятельное описание радения я приведу в следующей статье, посвящённой астраханским хлыстам уездного г. Царёва.

Список литературы

1. Берман А. Г. Козловские пророки. Из истории простонародного мистицизма в Среднем Поволжье / А. Г. Берман // Научно-информационный вестник докторантов, аспирантов, студентов Чувашского государственного педагогического университета. – 2003. – № 2. – С. 107–112.
2. Берман А. Г. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. Г. Берман. – Саранск : Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, 2006. – 24 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль ; под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 2 : И–О. – 1024 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль ; под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 4 : С–V. – 864 с.
5. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2-х т. / С. А. Зеньковский ; сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. – Москва : Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 688 с.
6. Кондратьев А. Психотехники и культ русских мистических сект / А. Кондратьев // Велесова Слобода. – Режим доступа: <http://velesova-sloboda.vho.org/philosophy/kondratjew-psihotehniki-i-kult-russkih-misticheskikh-sekt.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве / Д. Г. Коновалов. – Санкт-Петербург : Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1908. – 258 с.
8. Мельников П. И. (Андрей Печерский) На Горах : в 2-х кн. / П. И. Мельников. – Москва : Правда, 1988. – Книга вторая. – 512 с.
9. Мельников П. И. Тайные секты : полное собрание сочинений / П. И. Мельников. – Санкт-Петербург : А.Ф. Маркс, 1909. – Т. 6. – С. 251–299.
10. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милоков. – Санкт-Петербург : И. Н. Скороходов, 1905. – Ч. II. – С. 107–110.
11. Никольский Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Москва : Политиздат, 1983. – 448 с.
12. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – Москва : ОГИ, 2004. – 541 с.
13. Реутский Н. Люди божьи и скопцы / Н. Реутский. – Москва : Грачев и К, 1872. – 230 с.
14. Русское православие: веки истории / под ред. А. И. Клибанова. – Москва : Политиздат, 1989. – 719 с.
15. Сюткина О. Непридуманные истории русской кухни / О. Сюткина, П. Сюткин. – Москва : Астрель : CORPUS, 2011. – 512 с.
16. Таевский Д. Секты мира / Д. Таевский. – Ростов-на-Дону : Феникс ; Санкт-Петербург : Северо-Запад, 2007. – 571 с.
17. Тифлов М., священник Оленичевские хлысты / М. Тифлов, священник // Астраханские епархиальные ведомости. – 1892. – № 6.
18. Тифлов М., священник Царёвские хлысты / М. Тифлов, священник // Астраханские епархиальные ведомости. – 1890. – № 8, 9, 11.
19. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2005. – 544 с.
20. Фролов В. Обличение на раскольников / В. Фролов // Братское слово. – 1894. – Т. 1. – С. 478 и сл.
21. Шапарь В. Б. Секты – угроза национальной безопасности России / В. Б. Шапарь. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 352 с.
22. Щапов А. Умственные направления русского раскола / А. Щапов // Дело. – 1867. – № 10. – С. 319–348 ; № 11. – С. 138–168 ; № 12. – С. 170–200.

23. Эткинд А. М. Хлыст: Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с.
24. Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Berman A. G. Kozlovskie proroki. Iz istorii prstonarodnogo mistitsizma v Srednem Povolzhe [Kozlovsky prophets. From the history of vernacular mysticism in the Middle Volga region]. *Nauchno-informatsionny vestnik doktorantov, aspirantov, studentov Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Scientific Information Gazette doctoral students, graduate students of the Chuvash State Pedagogical University], 2003, no. 2, pp. 107–112.
2. Berman A. G. *Misticheskoe sektantstvo v Srednem Povolzhe v XIX – pervoy polovine XX vv.* [Mystical sectarianism in the Middle Volga region in the XIX – first half of XX centuries], Saransk, Chuvash State Pedagogical University named after Ivan Yakovlev Publ. House, 2006. 24 p.
3. Dahl, VI Explanatory dictionary of the live great Russian language: 4 so So 2: I-O / Under the editorship of Professor I.A. Baudouin de Courtenay. - M.: TERRA-Book club, 1998. - 1024 S.
4. Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language], Moscow, TERRA-Book club Publ., 1998, vol. 2: I–O. 864 p.
5. Zenkovskiy S. A. *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian old believers], Moscow, Institute DI-DICK Publ. House, Kvadriga Publ., 2009. 688 p.
6. Kondratev A. Psikhotehniki i kult russkikh misticheskikh sekt [Psychotechnics and cult of Russian mystical sects]. *Velesova Sloboda* [Veles Sloboda]. Available at: <http://velesova-sloboda.vho.org/philosophy/kondratjev-psihotehniki-i-kult-russkikh-misticheskikh-sekt.html>.
7. Konovalov D. G. *Religioznyy ekstaz v russkom misticheskom sektantstve* [Religious ecstasy in the Russian mystic sectarianism], Saint-Petersburg, Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 1908. 258 p.
8. Melnikov P. I. (Andrey Pecherskiy) *Na Gorakh* [On The Mountains], Moscow, Pravda Publ., 1988, book 2. 512 p.
9. Melnikov P. I. *Taynye sekty* [Secret sect], Saint-Petersburg, A. F. Marks Publ., 1909, vol. 6, pp. 251–299.
10. Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoy kultury* [Essays on the history of Russian culture], Saint-Petersburg Olenichevskie khlysty, I. N. Skorokhodov Publ., 1905, ch. II, pp. 107–110.
11. Nikolskiy N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [The History of the Russian Church], Moscow, Politizdat Publ., 1983. 448 p.
12. Panchenko A. A. *Khristovshchina i skopchestvo: Folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt* [Hristovska and SopCast: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects], Moscow, OIG Publ., 2004. 541 p.
13. Reutskiy N. *Lyudi bozhi i skoptsy* [The people of God and the eunuchs], Moscow, Grachev i K Publ., 1872. 230 p.
14. Klibanov A. I. (ed.) *Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones in the history], Moscow, Politizdat Publ., 1989. 719 p.
15. Syutkina O., Syutkin P. *Nepridumannye istorii russkoy kukhni* [Untold history of Russian cuisine], Moscow, Astrel Publ., CORPUS Publ., 2011. 512 p.
16. Taevskiy D. *Sekty mira* [Sect of the world], Rostov-on-Don, Feniks Publ., Saint-Petersburg, Severo-Zapad Publ., 2007. 571 p.
17. Tiflov M., svyashch. Olenichevskie khlysty [Olenichevsky whips]. *Astrakhanskie eparkhialnye vedomosti* [Astrakhan Diocesan Sheets], 1892, no. 6.
18. Tiflov M., svyashch. Tsarevskie khlysty [Tsarevsky whips]. *Astrakhanskie eparkhialnye vedomosti* [Astrakhan Diocesan Sheets], 1890, no. 8, 9, 11.
19. Torchinov Ye. A. *Religii mira: Opyt zapredelnogo. Psikhotehnika i transpersonalnye sostoyaniya* [Religions of the world: the Experience of the beyond. Psychotechnics and transpersonal States], Saint-Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2005. 544 p.
20. Frolov V. Oblichenie na raskolnikov [Conviction on Raskolnikov]. *Bratskoe slovo* [Brotherly Word], 1894, vol. 1, pp. 478.
21. Shapar V. B. *Sekty – ugroza natsionalnoy bezopasnosti Rossii* [Sects – a threat to Russia's national security], Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 352 p.
22. Shchapov A. Umstvennyye napravleniya russkogo raskola [Mental directions of the Russian split]. *Delo* [Case], 1867, no. 10, pp. 319–348, no. 11, pp. 138–168, no. 12, pp. 170–200.
23. Etkind A. M. *Khlyst: Sekty, literatura i revolyutsiya* [Whip: Sects, literature and revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 644 p.
24. *Vikipediya – svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia – the free encyclopedia]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.